

ЯЗЫКОВЫЕ ПРОЦЕССЫ
LANGUAGE PROCESSES<https://doi.org/10.37892/2713-2951-2-22-136-157>ВЛИЯНИЕ ТАДЖИКСКОГО ЯЗЫКА НА ФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ
МЕСТОИМЕННЫХ КЛИТИК В ЯЗЫКЕ ПАРЬЯ В ТАДЖИКИСТАНЕ

УДК 81'27+811.21/22

Татьяна И. Оранская Институт восточных
рукописей РАН,
Санкт-Петербург,
Российская Федерация**Аннотация**

В статье рассматривается формирование системы местоименных клитик (МК) в малом индоарийском языке парья́ как результат взаимодействия собственной парийской модели с таджикской / дари в условиях длительного двуязычия носителей парья. Сопоставление позиций и форм местоименных показателей посессивности в парья ведёт к заключению, что по аналогии с его единственной исконной МК 3-го л. (=so m.p.) используются притяжательные местоимения 1-го и 2-го л., фонетически редуцированные в постпозиции к определяемому. Между их препозитивными и постпозитивными формами существует то же функциональное различие, что и между обозначением принадлежности при посессоре 3-го л.: препозитивное обозначение обладания выражает новую информацию, тогда как МК служит выражению известной информации о посессивном отношении. Можно говорить о формировании в парья системы МК как воспроизводстве функциональной модели МК 3-го л. в 1-м и 2-м л. Её распространение, очевидно, стимулировано шестичленной системой МК таджикского и дари языков, с которыми парья на протяжении нескольких столетий существует, при полном двуязычии, в условиях диглоссии в роли низкого языка.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: местоименные клитики, диглоссия, посессор, парья, таджикский / дари, индоарийские и иранские языки

Статья опубликована на условиях Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).

© Татьяна И. Оранская, 2025

<https://doi.org/10.37892/2713-2951-2-22-136-157>

INFLUENCE OF THE TAJIK LANGUAGE ON THE FORMATION OF THE SYSTEM OF PRONOMINAL CLITICS IN THE PARYÁ LANGUAGE IN TAJIKISTAN

UDC 81'27+811.21/22

Tatiana I. Oranskaia

Institute of Oriental Manuscripts,
Russian Academy of Sciences,
Saint Petersburg, Russian
Federation

Abstract

This article investigates the development of the pronominal clitic (PNC) system in the minor Indo-Aryan language Parya, interpreting it as the result of an interplay between Parya and Tajik/Dari linguistic models under conditions of long-term bilingualism among Parya speakers. A comparison of the syntactic positions and forms of Parya's pronominal possessive markers leads to the conclusion that the first- and second-person pronominal adjectives can undergo formal and functional changes analogous to those of the sole inherited PNC =so (third person masculine). These changes arise from a shift to an enclitic position, followed by phonetic reduction.

The functional distinction between prepositional and postpositional forms mirrors that observed in third-person possessors: prepositional forms typically convey new information, while the PNC indicates given or presupposed information within the possessive relationship. The emergence of the PNC system in Parya is thus grounded in the inherited third-person clitic model, which was extended through the cliticisation of first- and second-person possessive adjectives. This development appears to have been catalyzed by the influence of the Tajik/Dari six-member PNC system, within a diglossic context in which Parya consistently functioned as the low variety.

KEYWORDS: pronominal clitics, diglossia, possessor, Parya, Tajik / Dari, Indo-Aryan and Iranian languages

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).

© Tatiana I. Oranskaia, 2025

1 | Введение

Индоиранские языки древнего и среднего периодов, как известно, обладали системами местоименных клитик (МК), характеризовавшимися категориями лица, числа и – в редуцированном виде – падежа. В отличие от новоиранских языков, в большей или меньшей степени унаследовавших МК предшествующих периодов, большинство новых индоарийских языков их утратило. Это грамматическое явление сохранилось на северо-западе территории распространения индоарийских языков:⁷⁰ в языках северо-западной подгруппы (по классификации Грирсона [Grierson, 1919]) и в дардских языках. В этом ареале, где индоарийские и иранские языки находятся в тесном контакте, влияние последних способствует поддержанию МК в индоарийских [Chatterji, 1926: 971]. Несомненно, что именно здесь в течение нескольких столетий существовал и индоарийский язык парья, относящийся по основным фонологическим и грамматическим характеристикам к северо-западной подгруппе. Позже он переместился в Афганистан и Среднюю Азию, где продолжились его контакты с иранскими языками, преимущественно близко родственными между собой дари и таджикским.

Основная функция их МК, составляющих шестичленную систему, посессивная. Эта функция преобладает в литературных вариантах этих иранских языков, и она же присуща единственной наследственной МК (3го л.) в парья. Функциональное сходство составляет основу плеонастической посессивной конструкции, общей для парья и двух контактных с ним иранских языков. В этой конструкции реализуется противопоставление полных и клитических форм выражения обладания, релевантное для передачи новой информации в противоположность известной. Требования информационной структуры предложения определяют строение притяжательных конструкций, в которых посессивное отношение часто выражается дважды, образуя «рамку» вокруг объекта обладания. Такая «рамка» особенно характерна для слов со значением неотчуждаемой принадлежности (чаще всего термины родства) в случаях, если новое сообщение об отношении принадлежности выражено определением в препозиции к объекту обладания, тогда как повторное определение, необходимое в силу значения неотчуждаемой принадлежности, занимает позицию энклитики. В парья притяжательные местоимения 1-го и 2-го л. втягиваются в эту конструкцию. В энклизе

---

⁷⁰ МК в таких восточных индоарийских языках как майтхили и магахи имеют специфическую, относительно недавно возникшую функцию двойного – субъектного и объектного – глагольного согласования, прежде неизвестную (Masica 1991: 344), и не возводятся к МК ранних периодов.

они фонетически ослабляются, превращаясь в позиционные МК, которые играют ту же роль, что и наследственная МК 3-го л.

Наряду с чисто лингвистическими факторами, воздействующими на выравнивание способов выражения посессивности в 1-м и 2-м л. по модели 3-го л., следует учитывать контактное иранское влияние в меняющихся политических и культурных условиях. В последние примерно сто лет, с тех пор как значительная часть парья осела в Гиссарской долине, и вследствие обязательного школьного обучения на таджикском языке для большей части группы⁷¹ в условиях диглоссии усилилось влияние литературного таджикского языка на низкий язык. Одно из следствий этого влияния – сложение из материала притяжательных местоимений системы МК, структурно воспроизводящей ту же часть таджикской (и дари) грамматики.

2 | Сведения о языке парья и его носителях

Парья – единственный индоарийский язык, бытующий в Таджикистане и Узбекистане. Его наименование является также эндонимом группы его носителей, а для языка есть ещё название *парья-сази* (*paryā-sāzī*), букв. ‘как парья’. На Индийском полуострове этот язык не засвидетельствован. Отношение парья – таджикский представляет собой диглоссию, в которой парья низкий язык.⁷² Он никогда не выполнял никакой роли кроме как средства внутригруппового общения в малой этнической группе. В этой роли он прошёл через ряд диглоссных ситуаций, в которых высокими языками были другие индоарийские, а в последние столетия – иранские языки, под влиянием которых, как я надеюсь показать, в парья сложилась система МК на основе его одной единственной исконной МК. Основная область проживания парья – долина Сурхандарьи и прилегающие к ней территории Гиссарской долины. В Таджикистане живёт больше парья, чем в Узбекистане. По оценке, основанной на данных, собранных в 2003–2004 годах, на нём говорят примерно 3000–4000 человек в Таджикистане [Clifton, 2010: 2, Table 1], а «во всех странах», то есть включая также Узбекистан и Афганистан (где обследование не проводилось), число носителей оценивается в 7,500 [Abbess et al., 2005: 4]. По мнению пятнадцати опрошенных мной в конце 2024 г. членов группы, в Таджикистане и Узбекистане на парья говорит 4000–5000 человек. Похоже, эта оценка недалека от истины,

⁷¹ По опросным сведениям, при Советской власти с конца 1950-х гг. в Гиссарском районе Таджикской ССР, где языком школьного обучения был таджикский, жило больше парья, чем в Регарском (ныне Турсунзадевском) районе, где языком школьного обучения до недавнего времени (в Республике Таджикистан) был узбекский.

⁷² То же относится к отношению парья – узбекский.

и, несмотря на высокую рождаемость, число говорящих на парья почти не увеличивается. Причина заключается не только в естественном вытеснении малого языка языком основного населения, являющегося государственным языком и языком национальной культуры, но и в этнонигилистических настроениях в группе. Ряд семей стремится скрыть своё нетаджикское происхождение, отказывается от традиции эндогамии, устраивая браки своих детей с таджиками или – реже – узбеками, и не использует свой индоарийский язык даже в домашнем обиходе. Это касается в большей мере жителей района Гиссар. Другая часть группы, в основном те, кто живёт в Турсунзадевском (бывшем Регарском) районе, склонна продолжать традицию кузенных браков, что способствует передаче языка младшим поколениям [Оранская, 2023].

Учёному миру группа парья и её язык стали известны благодаря И.М. Оранскому, иранисту, который в 1950-е годы жил и работал в Душанбе (до 1961 г. город назывался Сталинабад). В 1954 году, разыскивая в Таджикистане пуштуязычных афганцев, он узнал, что в Гиссарском районе, в 25 км от Душанбе, есть афганское поселение. Приехав туда, он обнаружил, что язык, на котором эти люди говорят, отнюдь не пашто. Оранскому далеко не сразу удалось завоевать доверие парья и начать сбор языкового и сопутствующего этно-исторического материала. Язык был секретным. При этом он, в отличие от типичных секретных языков, обладал собственной полноценной грамматической структурой, лексикой и некоторыми звукотипами, отличавшими его от таджикского и прочих бытующих в тех же местах языков. Уже первоначальное исследование не оставило у учёного никаких сомнений в том, что это новоиндоарийский язык, близкий языкам и диалектам северо-запада Индийского субконтинента.

Недоверие парья к чужаку объясняется событиями, произошедшими примерно за два десятилетия до знакомства Оранского с ними, которые усугубили их настороженность по отношению к чужим, свойственную маргинализированным группам. Многие парья были сезонными сельскохозяйственными рабочими. Долгие десятилетия они, обычно семьями, приходили в Гиссарскую долину на время уборки урожая зерна и возвращались обратно в Афганистан.⁷³ Когда в 1930-х гг. границу между СССР и Афганистаном закрыли, многие вынужденно остались в Средней Азии. Во время чисток, начавшихся в 1937 г., их стали арестовывать как «афганских шпионов» и высылать целыми семьями в Сибирь, где, очевидно,

---

⁷³ Некоторые парья осели в Гиссарском бекстве Бухарского эмирата уже в середине XIX в.

они все погибли. Многие тогда бежали в Афганистан, переправляясь кто как мог через Пяндж. Немало людей погибло при переправе от пуль пограничников или утонув.

Предлогом для обвинений в шпионаже было отсутствие у парья паспортов. И вот главы семнадцати семейств отправились в генеральное консульство Афганистана в Ташкенте за паспортами – *тазкира*.⁷⁴ Там каждому из мужчин был выдан единый паспорт на всех членов его семьи, в котором их национальная (точнее, этническая) принадлежность была указана как *лафз-и инку* ‘язык хиндко’.⁷⁵

Наименование хиндко в Пакистане применяется к индоарийским диалектам, существующим в ситуации диглоссии как низкий язык при пушту, выполняющем роль высокого языка [Shackle, 1980: 482]. Оно зарегистрировано в том же смысле в 1970-х гг. в разных местах Афганистана для «своего» языка четырёх кочевых групп, относимых к общности *джат* [Rao, 1995]. Так что сотруднику Афганского консульства в Ташкенте, выдававшему паспорта парья в 1937 году, очевидно, было известно этнолингвистическое содержание термина «инку».

Путь группы *парья* от западных областей Индийского полуострова до Гиссарской долины пролегал через Афганистан, где и берёт начало их устойчивое индоарийско-иранское двуязычие, восходящее, скорее всего, к середине 2-го тысячелетия. Поскольку парья пришли из Афганистана, они известны в Таджикистане и Узбекистане как афганцы (*афгоно* / *afghono*). Они и сами так себя называют, употребляя это наименование наряду с парья. Оно же лежит в основе производных экзонимов *afghono-i siyoruy* (*siyopust*) ‘чернолицые (чернокожие) афганцы’ и *afghono-i nosfurush* ‘афганцы-продавцы наса’ (жевательного или нюхательного табака, также *насвай*, *насвар*) [Оранский, 1977: 27]. Первое наименование характеризует внешность парья, которые отличаются от местного населения более тёмным цветом кожи; второе обозначает их традиционное занятие – приготовление и продажу наса.

Ныне парья, за редким исключением, грамотны и владеют таджикским, а зачастую и узбекским языками. Многие люди старшего поколения, заставшие советский период, в той или иной мере владеют русским языком. По-русски могут объясниться и многие молодые мужчины, поскольку они ездят в Россию на заработки. Язык преподавания в школе, начиная

---

⁷⁴ Букв. ‘заметка, биография’. Мне показали такой паспорт в 1973 г., достав его из тайника в стене дома. Теперь, по словам потомков указанных в паспорте людей, он пропал.

⁷⁵ Записано 30.04.2023 после беседы по мобильному телефону с пожилым мужчиной парья, просившим не указывать его имя. Его дед был в числе тех, кто в 1937 г. ездил в консульство Афганистана в Ташкенте. По словам моего собеседника, ни одна из семей, получивших паспорта, не была репрессирована.

с 2011 г., таджикский. До этого в Турсунзадевском (бывшем Регарском) районе преподавание в большинстве школ велось на узбекском. Школ с преподаванием на парья нет.

Таджикский парья теперь не отличается от языка окружающего основного населения. Поколения парья в Таджикистане, для которых школьное образование стало обязательным, говорят, помимо своего индоарийского языка, на таджикском, приближенном к литературному. Последнее поколение, перенявшее особенности таджикского/дари, принесённого из Афганистана и зафиксированного Оранским [1983], родилось до Второй Мировой войны.

Интересно отметить чувство «языкового превосходства» парья Гиссарского района, живущих в таджикоязычном окружении. Это чувство вытекает из признания мелких различий между речью парья Гиссарского и Турсунзадевского (бывшего Регарского) районов и стремления носителей парья таджикоязычной зоны определить языковой стандарт, ориентируясь на свой язык. О формах слов и конструкциях предложений, возможность которых информанты из Гиссара отвергают, они могут пренебрежительно отозваться так: «Это регарские так говорят». Незначительные различия признают и регарские парья.

Письменность парья на основе кириллической таджикской была разработана в период между 2003 и 2014 г. сотрудниками Международного летнего института лингвистики (Summer Institute of Linguistics International; сокр. SIL International), работавшими совместно с носителями языка. Для обозначения специфических звукотипов парья к таджикскому алфавиту добавлены буквы, имеющиеся на русской компьютерной клавиатуре и/или во вкладке «символ». Так, мягкий знак после согласного обозначает, что согласный ретрофлексный, напр., *дъ* = *ɖ* [ɖ], знак умлаута обозначает назализацию гласного: *ă* = *ã*, макрон – долготу: *ā*. Орфография воспроизводит принципы таджикской орфографии: послелоги, местоименные клитики, отрицание пишутся вместе со знаменательным словом: *нисамтай* (ни-самтай ‘не-понимает’), *айиуперета* (айи=пере=та ‘мать=свою=вин. п.’).

В период работы с языком парья сотрудники SIL установили связи с востоковедами Таджикского национального университета, Института языка, литературы, востоковедения и письменного наследия им. Рудаки АН Республики Таджикистан, а также с организацией «Установление культурных связей между народами Таджикистана и всего мира». По инициативе двух последних учреждений в 2016 г. был издан сборник, в который вошли 20 сказок и рассказов на парья с переводом на таджикский «Паря амӯко кайӣ. Афсонаҳои мардуми Паря» [Мерритт, 2016].

Лингвистов среди парья не было. Главная роль в осуществлении проекта принадлежит, насколько мне известно, члену группы парья Файзикулу Чумаеву, жителю селения Афгонобод Гиссарского района. Он находил информантов, делал аудиозаписи их повествований и печатал тексты на компьютере.⁷⁶

Ещё до этой книги, в 2014 г., была издана книжка для детей. Это своего рода букварь, куда вошли стихи на парья, специально для него сочинённые. Сочинили стихи Чумаев и ещё один или два участника проекта. Отличие от привычного букваря заключается в том, что слово, служащее знакомству ребёнка с новой буквой, подписанное под отображающей его смысл картинкой, не обязательно начинается на эту букву: эта буква может быть в середине или конце слова. В 2022 г. была издана азбука в картинках.

По крайней мере половина слов в детских книгах таджикские.

Мне неизвестно, чтобы кто-нибудь пользовался этой письменностью. Многие парья даже не знают о её существовании. Переписка в мессенджерах ведётся главным образом по-таджикски, таджикская или русская раскладка на мобильных телефонах используется и в редких случаях, когда пишут на парья.

3 | Краткий обзор истории парья и их языковых контактов

Парья-иранское двуязычие можно с уверенностью считать устойчивым со времени проживания группы на территории Афганистана. Оно могло возникнуть, по крайней мере для части группы, и раньше, в северо-западной части Индийского полуострова, где постоянные изменения политической ситуации вследствие военных действий между афганскими и индийскими правителями после смерти Бабура (1630 г.) способствовали контактам между носителями индоарийских и иранских языков. Учитывая роль дари на пространствах от Бухарского ханства, впоследствии эмирата, до Индии, наиболее вероятным представляется, что парья переняли одну из его разновидностей как язык общения с окружающим населением.⁷⁷

Согласно результатам глоттохронологического исследования, парья разошёлся с хинди в 850 г., а с пенджаби в 700 г. [Дьячок, 2002]. Однако новоиндоарийские лингвистические

---

⁷⁶ По его словам, аудиозаписей у него не осталось.

⁷⁷ Обратное влияние – индийских языков на дари (а также пашто) – проявляется в лексических заимствованиях.

черты парья говорят, скорее, о меньшем сроке его существования в отрыве от индоарийского языкового массива.

Точно определить время исхода парья из Индии, разумеется, невозможно. Это явно не была однонаправленная миграция. По крайней мере, часть семей в определённое время года возвращалась в места, где они жили до переселения в Афганистан. Такого рода челночные миграции кочевых групп между Афганистаном и Пакистаном отмечены ещё в 1970-х гг. [Rao, 1995]. Перемещения парья между Афганистаном и Гиссарской долиной до закрытия границы носили тот же характер.

До закрытия советско-афганской границы в 1930-х гг. парья были кочевой или полукочевой группой, социально маргинализированной во всех обществах, в которых им довелось жить. Их эндоним является, очевидно, фонетическим вариантом названия низкой касты сезонных сельскохозяйственных рабочих и охранников *pahriya* (варианты *pahri/paheri*) [Oranskaia to appear], относящейся к большой общности *dom* [Crooke, 1890: 70], из которой вышли, по-видимому, все или большинство групп, известных как цыгане.

О своём индийском прошлом парья в середине XX в. не знали. Нижней границей их коллективной исторической памяти была их жизнь в Афганистане, где, по словам респондентов Оранского, родившихся в конце XIX–первой трети XX в., в провинции Лагман жили их предки и живут оставшиеся в Афганистане соплеменники [Оранский, 1977: 20, 24]. Главным местом паломничества парья был даргах в городе Мазари-Шариф [Ibid.: 22]. О путях миграций из Афганистана в Гиссарскую долину говорят и биографические данные некоторых информантов Оранского, от которых записаны тексты на «парийском» таджикском. Они родились в местах, близких к Таджикистану и Узбекистану, таких как Балх, Мазари Шариф, Кундуз [Оранский, 1983]. Однако есть расплывчатые указания и на более ранний период истории группы. Так, сообщается, что их пиром был Шейх Шамси Тебризи из Мультана,⁷⁸ где находится его мавзолей. Он же считается пиром Чангаров – этноним, использующийся и для парья [Оранский, 1977: 21].

Возможно, что устная традиция парья отчасти отражает географию их путей. Если принять эту информацию как соответствующую реальности, то парья, если не постоянно, то, во всяком случае, время от времени находились в южном Пенджабе, в районе распространения сарайки, прежде называвшегося мультани. Несомненны их контакты с хиндко, а также с

---

⁷⁸ Его обычно отождествляют с Шамс ад-Дином Тебризи (ум. 1248), святым с таинственной судьбой, наставником Руми. Считается, что его гробница находится в городе Хой в Иране.

пушту. Однако, несмотря на наименование «лафз-и инку» (язык хиндко), ни один их известных диалектов этой группы не обнаруживает тех же основных характеристик, что и парья, или особо тесной связи с ним.⁷⁹

Вряд ли можно сомневаться, что начальные интенсивные контакты между парья и иранскими языками завязались на северо-западе Индийского полуострова. Здесь индоарийские языки граничат с областью бытования иранских языков, черты которых проступают сквозь индоарийскую материю. В их числе местоименные клитики. Эта часть общего индоиранского (и индоевропейского) наследия, утраченная большинством новых индоарийских языков, сохраняется в большей или меньшей степени в языках этой области, таких как синдхи и идиомах, объединяемых под названием западный панджаби или лахнда/ленди.

Парья долгое время жили в окружении иранских языков. Когда в 1950-х гг. Оранский начал исследовать их язык, группа была полностью двуязычна: все её члены владели, помимо парья, таджикским как родным языком. Язык старшего поколения (дари/ таджикский) несколько отличался от гиссарских диалектов и от литературного таджикского. В числе информантов учёного были люди, родившиеся в Балхе, Мазари Шарифе и Кундузе [Оранский, 1983]. Свой таджикский, то есть диалекты дари, они принесли из Афганистана.⁸⁰ Помимо дари язык парья в Афганистане, несомненно, был в контакте с пушту. Во всяком случае, была часть его носителей. Об этом можно судить по включенным в текст сказки «Патыхан и Карамай» [Оранский, 1977: 128–135] бейтам на пушту и по сведениям о браках с пуштунами, впрочем, крайне редких. Влияние пушту было, по-видимому, незначительно. Никто, включая рассказчика сказки, исполнявшего и бейты, не мог перевести их Оранскому; даже их общее содержание осталось неизвестно. Коллеги-афганисты, хотя и не сомневались в том, что язык бейтов пушту, распознать слова не смогли – настолько исказился изустно передаваемый текст, непонятный рассказчикам.

---

⁷⁹ По сообщению одного парья из Гиссара, в 1970-х гг. туда приезжал потомок одной из семей, бежавших в 1937 г. в Афганистан. Он жил с семьёй в Кундузе, как и большинство бежавших репатриантов, а вторая семья у него была в Пакистане. Там на базаре он слышал беседу на парья. К сожалению, этим информация ограничивается.

⁸⁰ К сожалению, мне неизвестны работы о таджикских (дари) диалектах Афганистана.

4 | Местоименные клитики

В отличие от иранских языков большинство новых индоарийских языков местоименные клитики утратило. Они сохранились в северо-западной части индийской территории, в пограничной зоне, где иранские черты проявляются не только в индоарийских языках, но и в дравидском брахуи, и в изоляте бурушаски. К таким чертам относятся и МК [Chatterji, 1926: 971; Emeneau, 1978; Masica, 1991: 253]. Возможно, в каких-то языках они заимствованы из иранских. Так, в брахуи есть МК (pronominal suffixes), не характерные для дравидских языков. При этом сами МК дравидского происхождения. Не исключено, что набор их функций заимствован из соседних индоарийских языков, однако более вероятно, что он сложился под воздействием белуджского [Emeneau, 1980: 59].

В других индийских языках региона, унаследовавших МК от языков-предков, иранское влияние поддержало МК, не дав им отмереть.

МК в большинстве диалектов хиндко обладают стандартным набором функций: агенса в эргативных конструкциях, прямого объекта и посессора. Отмечены также функции адресата и бенефициара. Набор форм не во всех диалектах совпадает. Например, в кохатском нет МК 1-го лица.

МК 3-го л. представлена в хиндко и пенджаби характерным для неё индоарийским $=s$ [Shackle, 1980: 495–496; Butt, 2004; Bashir, Connors, 2019: 241; Akhtar, n.d], синдхи $=s$ и в парья ($=s-o/s-e/s-i$). Последняя отличается от прочих функционально: она выступает исключительно в роли посессора.

По-разному представлены МК и в иранских языках. В одних имеется набор из форм трёх лиц и двух чисел, как, например, в персидском, в других — только МК 3-го л., как в южной разновидности пакистанского белуджского, тогда как в иранском белуджском система МК представлена в полном виде [Korn, Nourzaei, 2018: 671].

Если в языке есть МК только одного лица, то это МК 3-го л. Вполне вероятно, что этот факт соотносим со значительно более высокой частотой употребления МК 3-го л. в разных функциях. Язык парья унаследовал от предшествующих периодов развития индоарийских языков только МК 3-го л. $=so/si/se$ (м.р. ед.ч./ж.р./м.р. мн.ч. и м.р. к.п.). Она родственна МК 3-го л. с (пост)альвеолярным фрикативным корня (в обобщённом виде $=s$, $=\text{ʃ}$) в западном пенджаби и синдхи, а также ряде новоиранских, главным образом западных, языков. Неоспоримо, что МК новоиранских и индоарийских языков продолжают их древние формы.

Расхождения между исследователями сводятся к вопросу о том, восходят ли МК новых языков к форме вин. или род.-дат. п. [Mohammadirad, 2020: 50–51].

Сложно дать однозначный ответ и на вопрос о соотношении генетических и геолингвистических факторов в формировании и развитии языковых явлений, в частности МК, поставленный Эмено в работе 1965 г. “India and Linguistic Areas” [Emeneau, 1980: 59].

5 | МК в парья и таджикском

5.1 Пояснения к передаче языкового материала в примерах

Предложения и словосочетания, заимствованные из опубликованных работ или написанные информантами (от руки или в электронном виде), использованы здесь без изменений. Языковой материал, записанный от информантов со слуха, представлен в международной фонетической транскрипции⁸¹.

Как уже было сказано выше, в парья есть только одна МК, восходящая к МК предшествующих периодов индоарийских языков. Это МК 3-го л., которая выступает только в роли посессора, занимая позицию справа от объекта обладания. Иногда она согласуется с ним в роде, числе и падеже, однако в условиях ослабления языковой структуры под действием внешнеязыковых факторов и, соответственно, размывания грамматических категорий, она обычно употребляется в генерализованной форме =so. В «правильной» грамматике это форма м.р. ед.ч. пр.п.

Примеры (1)–(3) демонстрируют согласование.

- (1) *tutá:=s-o* *yir-yir* *kar-aj*
 горло:m.sg.=pnc3-m.sg.dir хрип (звукоподражание) делать-prs.3sg
 ‘Она говорит хриплым голосом.’
- (2) *ayi=s-i*
 мать=pnc3-f
 ‘его/её/их мать’
- (3) *pet—a=s-e=ma* *do batf-e=s-e* *y^h-ĩ:*
 живот—ep/=в=pnc3-m.obl=в два ребёнок-m.pl.dir=pnc3-m.pl быть₂-pst.pl
 ‘Она была беременна близнецами.’

⁸¹ ep—epenthesis;
pnc—pronominal clitic;
gg—grammatically generalized.

В парья определения в атрибутивной функции располагаются перед определяемым:

pācā=ko kuro падишаха=род.п. конь; *us=ko ābā* его=род.п. отец.

В сочетании с МК определение может обрамлять определяемое. В этом случае посессор 3-го л., выраженный препозитивно сочетанием существительного или лично-указательного полного местоимения с определительным послелогом *=ko/ki/ke*, повторно выражен постпозитивно МК 3-го л.: *us=ko ābā=so* его=род.п. отец=его.

В 1-м и 2-м л. посессивность выражается притяжательными местоимениями, которые тоже способны изменяться по согласовательным категориям: *tur-ō/mir-ī/mir-e* 'мой/моя/мои и м.р. к.п.', *tur-ō/tir-ī/tir-e* 'твой', *mār-o/mār-e* 'наш/наши', *tār-o/tār-e* 'ваш/ваши'; формы ж.р. местоимений мн.ч. не зарегистрированы.

Полные посессивные местоимения, располагающиеся перед определяемым, могут повторяться после определяемого в фонетически ослабленном виде. В энклитической позиции обычная форма их основы в 1-м л. *mār=/m^or=/mⁱr=*, во 2-м л. *tār=/t^or=/tⁱr=*.

Энклитические местоимения могут выступать и единственным определением в посессивной конструкции. Семантические основания использования (А) препозитивных посессивных определений (в 3-м л. *N=ko*; в 1-м и 2-м л. притяжательные местоимения); (Б) рамочных посессивных конструкций (в 3-м л. *N=ko:poss +Npossd=pnc:possd*; в 1-м и 2-м л. притяжательные местоимения в пре- и постпозиции к объекту обладания); (В) выражения посессивности только энклитическим местоимением одинаковы для всех лиц. В (А) посессивное отношение представляет собой новую информацию: пример (4); в (Б) – новую информацию в сочетании с лексическими значениями известной информации, в т.ч. неотчуждаемой принадлежности: пример (5); в (В) посессивное отношение полностью относится к известной информации: пример (6).

(4) *os=ko boḡo kər fe*
он:obl=gen большой дом быть:prs.3
'У него большой дом.'

(5) *pācā=ki dō ran-i=s-i čhi* [Оранский, 1977: 113]
падишах=gen.f две жена-ер=pnc3-f быть₂:pst.f
'У падишаха было две жены.'

(6) *kər=so boḡo=i*
дом=pnc3.m большой=быть₁:prs.3
'У него большой дом / Дом у него большой.'

Эмфатический вариант типа (Б) представлен в (7), где субъект – Халима – тематически выделен, вследствие чего генетивный послелог =*ko*, оформляющий посессора, опущен. Эксплицитно посессор выражен анафорически при помощи МК =*so*.

(7) *xa:lima: bi a:dó gvl-ú=s-o ʊzbaki=ma jowáǰ*

Халима тоже половина слово-pl=pnc3-gg узбекский=в иди:prs.3pl

‘У Халимы тоже половина слов [парья заменена] узбекскими.’

Эти основания различного оформления посессивных конструкций представляют собой не жёсткие правила, но отчётливо выраженную тенденцию, которая справедлива и для контрастной дистрибуции полных притяжательных местоимений и МК 1-го или 2-го л. Пример (8) иллюстрирует типы (А) и (Б), пример (9) тип (В).

(8) *morǒ ti:n beǰa (/mǒrǒ)⁸² ʃe*

мой три сын (/pnc1sg) быть₂:3prs

‘У меня три сына.’

(9) *korta=tǎrǒ=ma dauǰ=e*

рубашка=pnc2sg=в пятно=быть₁:prs.3

‘У тебя на рубашке пятно.’

Пример (10) демонстрирует возвратную МК *pə*, представляющую собой энклитический и, соответственно, редуцированный вариант возвратного посессивного местоимения *apəro* ‘свой’ (есть и другие варианты возвратной МК).

(10) [...] *čali ǰawu(n)=na⁸³ ranun=pə=nára ra máre* [Оранский, 1977: 117]

[...] сорок юноши=erg жёны=свои=с дорога бить:pst.pl

‘[...] сорок юношей со своими жёнами были в пути.’

Контрастивное распределение пре- и постпозитивных дейктических единиц 1-го и 2-го лица по типу передаваемой ими информации соответствует отношению между препозитивным определением и МК 3-го л. Плеонастическая посессивная конструкция служит основанием для вывода о расширении системы МК в парья за счёт втягивания в неё притяжательных местоимений 1-го и 2-го л.

⁸² Круглые скобки и косая черта перед заключёнными в них словами указывают на их факультативное употребление.

⁸³ Форма эргативного падежа мн.ч. реконструируется в фонетически полном виде как *ǰawunǰ=na*

Степень синтаксической клитизации энклитики 3-го лица =so и её функциональных коррелятов 1-го и 2-го лица, разумеется, различна. Так, последние, в отличие от МК =so, редко следуют за наречными послелогом, с которыми они находятся в непосредственной смысловой связи. Вступая в синтаксическую связь с =so, такое слово переходит в предложную позицию (11), (12), а при притяжательных местоимениях 1-го и 2-го лица значительно чаще остаётся послелогом (13):

- (11) Я мундые⁸⁴ кула=c-e аке пишна каро

Этот парень:obl.sg около=pnc3-m.sg.obl подходя вопрос делать:pst.sg

‘Этот парень подошёл к нему и спросил...’ [Мерритт, 2016: 1].

- (12) avɣanistan=məta oɟ ami ajo, mehmaní. me nála=so
Афганистан=из тот человек приехать:pst, в.гости. Я с=pnc3:gg
gal karo
речь делать:pst

‘Тот человек приехал из Афганистана в гости. Я с ним разговаривал.’

- (13) я эк мо гал муро=нала ни-картай [Мерритт, 2016: 3]

он один рот слово мой: pnc1=c neg-делать:prs.3sg

‘Он мне ни слова не говорит.’

Расположение редуцированных форм притяжательных местоимений в постпозиции к наречным послелогам возможно (14):

- (14) bulbul-guyâ... nal=təre gal karáɟ [Оранский, 1977: 114]

соловей-говорящий... с=твой:pnc2 речь делать:prs3sg

‘[Говорящий соловей]... будет с тобой разговаривать.’

Информанты в большинстве случаев отвергают варианты предложений с притяжательными энклитическими местоимениями 1-го и 2-го лица справа от наречных послелогов, тогда как при их замене на МК3 предложения расцениваются как правильные. Обозначение «*/²» использовано как показатель невозможного или ограниченного использования этих местоимений в таких сочетаниях, что говорит об их неполном переходе в МК:

*/²kulá=1poss / 2poss / 1poss.pl */² kulá=mǝrǝ / mǝre / tire/ maro и пр.

Несмотря на то, что поведение постпозитивных притяжательных местоимений не во всех контекстах точно воспроизводит функциональные характеристики МК 3-го л., полная

⁸⁴ В книге ошибочно *миндые*.

vaj-a kurta=(a)š nav
prn.3sg-acc/dat/gen рубашка= pnc3 новая

‘У него новая рубашка.’

(19) *Вай модар=аш омад*

vaj modar=aš omad
prn.3sg мать=pnc3 приходить:pst.3sg

‘Это его/её мать пришла’, с эмфазой на теме предложения – посессоре, ср. (7).

(20) *Мактуб=ат навишт?*

maktub=at navišt
письмо=pnc2 писать:pst.3sg
‘[Он] написал тебе письмо?’

У четырёх информантов, интерпретировавших предложения, примеры (16)–(18) и подобные им, с МК разных лиц и чисел, не вызвали ни сложностей, ни разногласий.

Пример (20) двое из участников исправили на

(20¹) *maktub=at navišt-i?*
письмо=pnc2 писать:pst-2sg
‘[Ты] своё письмо написал?’

Такая интерпретация предложения, очевидно, свидетельствует о преобладающем определительном значении МК.

Пример (19) одна участница исправила на *vaj-a modar=aš omad*, как в (16), добавив маркер субъекта посессивного отношения. Когда смысл исходных предложений был разъяснён, все участники их приняли.

Интересно, что среди исследованных в 1950-х гг. таджикских диалектов только в гиссарских, то есть в регионе расселения парья, МК не имеют иных значений кроме определительного [Расторгуева, 1961: 168 (карта)]. Однако это обстоятельство не объясняет, почему МК парья, в отличие от индоарийских языков, не покидавших север-запад Индийского полуострова, используются только в определительном значении.

6 | Заключение

Процесс расширения набора МК можно представить следующим образом.

Единственная наследственная МК языка парья, МК 3-го л., имеет одну единственную функцию – определительную. Вовлечение притяжательных местоимений 1-го и 2-го л. в категорию МК произошло, скорее всего, на основе плеонастической определительной конструкции, в которой двойное выражение посессивного отношения служит распределению элементов информационной структуры предложения. Новая информация о посессивной связи передаётся предшествующим объекту обладания полнозначным словом или лично-указательным местоимением в сочетании с определительным послелогом. Повторное обозначение того же отношения при помощи МК 3-го л. служит передаче уже известной информации.

В отличие от парья, таджикский и дари обладают полными системами МК, включающими анафорические заместители всех лиц и чисел. Именно с этими языками парья находится несколько столетий в тесном контакте, притом в диглоссной ситуации, в которой они являются высокими языками.

В этих языках тоже есть плеонастическая посессивная конструкция, аналогичная конструкции в парья. Под влиянием двух названных западных иранских языков с высоким политическим и культурным статусом пустые клетки 1-го и 2-го лица обоих чисел в потенциальной парийской системе МК стали заполняться показателями притяжательности из материала самого парья – его притяжательными местоимениями. При перемещении вправо от объекта обладания они под воздействием просодических факторов редуцируются, обретая новую форму, соотносящуюся с их позицией и функцией, то есть превращаясь в МК.

Образование новых или видоизменение существующих в неиранских языках систем МК под влиянием иранских – явление, известное в северо-западной части Индийского полуострова, где индоарийские и иранские языки находятся в тесном многослойном контакте. Очевидно, что и развитию системы МК в парья в значительной мере способствовало – и способствует – влияние иранских языков: таджикского и дари. В ситуации диглоссии под их влиянием модель посессивных конструкций, использующих МК 3-го л., распространилась и на 1-е и 2-е лицо.

ЛИТЕРАТУРА

- Дьячок М.Т. (2002) Цыганский язык и глоттохронология // Дьячок М.Т., Шаповал В.В. (ред.) *Opuscula glottologica professori Cyrillo Timifeiev dedicata*. Режим доступа: <http://www.liloro.ru/romanes/dyachok-02a.htm>. Дата обращения: 23.09.2024.
- Ефимов В.А., Расторгуева В.С., Шарова Е.Н. (1982) Основы иранского языкознания. Новоиранские языки: западная группа, прикаспийские языки. Отв. ред. В.С. Расторгуева. Москва: Наука. 571 с.
- Мерритт З. (сост.) (2016) Паря амӯко кайй. Афсонаҳои мардуми Паря [Сказки народа парья]. Душанбе: “ЭР-граф”. 280 с.
- Оранская Т.И. (2023) Влияние исследования малой этнической группы на отношение её членов к своей этничности (на примере среднеазиатской индоязычной группы парья) // *Особые миры Индии и российская этнография: контакты и контексты. Материалы исследований и докладов. Секция на XV Конгрессе антропологов и этнологов России. 26-30 июня 2023 г. Санкт-Петербург. Ред.-сост. Рыжакова С.И., Щербак М.Б. (ред.-сост.). Москва: ИЭА РАН: ПОЛИМЕДИА. С. 61–67.*
- Оранский И.М. (1977) Фольклор и язык Гиссарских парья (Средняя Азия). Введение, тексты, словарь. Москва: «Наука». Глав. ред. вост. лит. 448 с.
- Оранский И.М. (1983) Таджикоязычные этнографические группы Гиссарской долины (Средняя Азия): этнолингвистическое исследование. Москва: «Наука». Глав. ред. вост. лит. 237 с.
- Расторгуева В.С. (1964) Опыт сравнительного изучения таджикских говоров. Москва: Наука. 188 с.
- Abbess, E., Müller, K., Paul, D., Tiessen, C., Tiessen, G. (2010) Language Maintenance Among the Parya of Tajikistan. SIL International. SIL Electronic Survey Report 2010-014, May 2010. Available at: https://www.sil.org/system/files/reapdata/11/26/05/112605693665137982433876189401654188162/silesr2010_014.pdf. Access date: 23.03.2024.
- Akhtar, R. N. (1997) Affix-s(uu) constructions in Punjabi // *Essex Graduate Student Papers in Language and Linguistics. Issue 1. Pp. 1–18 (cited from Butt 2004).*
- Akhtar, R. N., Haroon-ur-Rashid, Sohail, A. (2011). A Brief Introduction of Hindko Language. Available at: https://www.researchgate.net/publication/346961859_A_Brief_Introduction_of_Hindko_Language. Access date: 20.09.2024.
- Bashir, E., Connors, T. with Hefright, B. (2019) A Descriptive Grammar of Hindko, Panjabi, and Saraiki (Mouton-CASL Grammar Series 4). Maryland: De Gruyter Mouton. 612 p.
- Butt, M. (2004) The Role of Pronominal Suffixes in Punjabi // *DGfS Workshop Evolution syntaktischer Relationen Mainz, 2004, February, 25–27.* Available at: <https://ling.sprachwiss.uni-konstanz.de/pages/home/butt/main/papers/dgfs04-hnd.pdf>. Access date: 15.10.2024.
- Clifton, J. (2010) Stable Multilingualism in Tajikistan. Available at: https://www.academia.edu/2088389/Stable_Multilingualism_in_Tajikstan. Access date: 23.03.2024.
- Crooke, W. (1890) An Ethnographical Hand-Book for the North-Western Provinces and Oudh. Allahabad: s.n. 214 p.
- Grierson, G.A. (1919) Linguistic Survey of India. Vol. VIII, P. I. Indo-Aryan Family. North-Western Group. Specimens of Sindhī and Lahndā. Calcutta: Off. of the Superintendent. 594 p.
- Korn, A., Nourzaei, M. (2018) “Those Were the Hungry Years”: A Glimpse of Coastal Afro-Balochi. *Journal of the Royal Asiatic Society*, 2018, 28 (4): 661–695. Available at: <http://dx.doi.org/10.1017/S1356186318000238ff>. f10.1017/S1356186318000238ff. f1halshs-01869357f. Access date: 15.10.2024.

- Masica, C. P. (1991) *The Indo-Aryan Languages* (Cambridge language surveys). Cambridge; New York et al.: Cambridge University Press. 539 p.
- Mohammadirad, M. *Pronominal Clitics in Western Iranian Languages: Description, Mapping, and Typological Implications* (Linguistics. Paris 3). 2020. ffNNT: ff. fftel-02988008. Available at: https://theses.hal.science/tel-02988008/file/Thesis_MOHAMMADIRAD_Masoud_2020-final%20version.pdf. Access date: 17.09.2024.
- Oranskaia, T. (to appear) *The Term Parya: Phonological and Ethnological Issues* // *Festschrift in Honour of Prof. Dr. Thomas Oberlies*. Heidelberg; Berlin: Heidelberg Asian Studies Publishing.
- Rao, A. (1995) *Marginality and Language Use: The Example of Peripatetics in Afghanistan* // *Journal of the Gypsy Lore Society: 5th Series*. No 5. Pp. 69–95.
- Shackle, C. (1980) *Hindko in Kohat and Peshawar* // *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*. No 43(3). Pp. 482–510.

REFERENCES

- Dyachok, M. T. (2002) *Tsyganskiy yazyk i glottokhronologiya* [The Gypsy language and glottochronology]. Dyachok, M.T., Shapoval, V.V. (eds). *Opuscula glottologica professori Cyrillo Timifeiev dedicata* [Essays on glottology dedicated to Professor Cyrill Timofeev]. Available at: <http://www.liloro.ru/romanes/dyachok-02a.htm>. Access date: 23.09.2024 (In Russian)
- Efimov, V. A., Rastorgueva, V.S., Sharova, E.N. (1982) *Osnovy iranskogo yazykoznaniya. Novoiranskie yazyki: zapadnaya gruppa, prikaspiyskie yazyki*. Executive ed. V.S. Rastorgueva [Fundamentals of Iranian linguistics. New Iranian languages: Western group, the Caspian languages.] Moscow: Nauka. 571 p. (In Russian)
- Merritt, Z. (comp.) (2016) *Parjya amūko kaji. Afsonahoi mardumi Parjya* [Tales of the Parya people]. Dushanbe: “ЭР-рӯаф”. 280 p. (In Parya, with translation into Tajik)
- Oranskaya, T. I. (2023) *Vliyanie issledovaniya maloy etnicheskoy gruppy na otnoshenie eyo chlenov k svoey etnichnosti (na primere sredneaziatskoy indoyazychnoy gruppy parya)*. *Osobyie miry Indii i rossiyskaya etnografiya: kontakty i konteksty. Materialy issledovaniy i dokladov. Sektsiya na XV Kongresse antropologiv i etnologiv Rossii. 26-30 iyunya 2023 g. Sankt-Petersburg*. Ryzhakova S. I., Shcherbak M. (eds and comps). [Impact of ethnological research on a minor ethnic group on their attitudes to their ethnicity: The case of Parya, a group in Middle Asia speaking an Indian language. Peculiar worlds of India and Russian ethnography: contacts and contexts. Research and presentations materials. Panel at the XV Congress of Russian physical anthropologists and ethnologists]. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology: POLIMEDIA. Pp. 61–67 (In Russian)
- Oranskiy, I. M. (1977) *Folklor i yazyk Gissarskix parya. Vvedenie, teksty, slovar* [Folklore and language of the Hisor Parya. Introduction, texts, glossary]. Moscow: Nauka, Glav. red. vost. lit. 448 p. (In Russian)
- Oranskiy, I. M. (1983) *Tadzhikoyazychnye etnograficheskie gruppy Gissarskoy doliny (Srednyaya Aziya): etnolingvisticheskoe issledovanie* [Tajik speaking ethnic groups of the Hisor valley (Middle Asia): ethnolinguistic study]. Moscow: Nauka. Glav. red. vost. lit. 237 p. (In Russian)
- Rastorgueva, V. S. (1964) *Opyt sravnitel'nogo izucheniya tadzhikskikh govorov* [Attempt at comparative studies of Tajik dialects]. Moscow: Nauka. 188 p. (In Russian)
- Abbess, E., Müller, K., Paul, D., Tiessen, C., Tiessen, G. (2010) *Language Maintenance Among the Parya of Tajikistan*. SIL International 2010. SIL Electronic Survey Report 2010-014, May

2010. Available at: https://www.sil.org/system/files/reapdata/11/26/05/112605693665137982433876189401654188162/silesr2010_014.pdf. Access date: 23.03.2024.
- Akhtar, R.N.* (1997) Affix-s(uu) constructions in Punjabi. Essex Graduate Student Papers in Language and Linguistics. Issue 1. Pp. 1–18 (cited from Butt 2004).
- Akhtar, R. N., Haroon-ur-Rashid, Sohail, A.* (2011) A Brief Introduction of Hindko Language. Available at: https://www.researchgate.net/publication/346961859_A_Brief_Introduction_of_Hindko_Language. Access date: 20.09.2024.
- Bashir, E., Connors, T. with Hefright, B.* (2019) A Descriptive Grammar of Hindko, Panjabi, and Saraiki (Mouton-CASL Grammar Series 4). Maryland: De Gruyter Mouton. 612 p.
- Butt, M.* (2004) The Role of Pronominal Suffixes in Punjabi. DGfS Workshop Evolution syntaktischer Relationen Mainz, 2004, February, 25–27. Available at: <https://ling.sprachwiss.uni-konstanz.de/pages/home/butt/main/papers/dgfs04-hnd.pdf>. Access date: 15.10.2024.
- Clifton, J.* (2010) Stable Multilingualism in Tajikistan. Available at: https://www.academia.edu/2088389/Stable_Multilingualism_in_Tajikistan. Access date: 23.03.2024.
- Crooke, W.* (1890) An ethnographical hand-book for the North-Western Provinces and Oudh. Allahabad: s.n. 214 p.
- Emeneau, M. B.* (1980) Language and Linguistic Area: Essays by Murray B. Emeneau. Selected and Introd. by Anwar S. Dil. Stanford [1965]. Pp. 126–166.
- Grierson, G. A.* (1919) Linguistic Survey of India. Vol. VIII, P. I. Indo-Aryan Family. North-Western Group. Specimens of Sindhī and Lahndā. Calcutta: Off. of the Superintendent. 594 p.
- Korn, A., Nourzaei, M.* (2018) “Those Were the Hungry Years”: A Glimpse of Coastal Afro-Balochi. *Journal of the Royal Asiatic Society*, 2018, 28 (4): 661–695. Available at: <http://dx.doi.org/10.1017/S1356186318000238ff>. ff10.1017/S1356186318000238ff. ffhalshs-01869357f. Access date: 15.10.2024.
- Masica, C. P.* (1991) The Indo-Aryan Languages (Cambridge language surveys). Cambridge; New York et al.: Cambridge University Press. 539 p.
- Mohammadirad, M.* (2020) Pronominal clitics in Western Iranian languages: Description, mapping, and typological implications (Linguistics. Paris 3). ffNNT: ff. fftel-02988008. Available at: https://theses.hal.science/tel-02988008/file/Thesis_MOHAMMADIRAD_Masoud_2020-final%20version.pdf. Access date: 17.09.2024.
- Oranskaya, T.* (to appear) The Term Parya: Phonological and Ethnological Issues. Festschrift in Honour of Prof. Dr. Thomas Oberlies. Heidelberg; Berlin: Heidelberg Asian Studies Publishing.
- Rao, A.* (1995) Marginality and Language Use: The Example of Peripatetics in Afghanistan. *Journal of the Gypsy Lore Society: 5th Series*. No 5. Pp. 69–95.
- Shackle, C.* (1980) Hindko in Kohat and Peshawar. *Bulletin of the School of Oriental and African Studies* 43(3). Pp. 482–510.

Татьяна Иосифовна Оранская – кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник, Институт восточных рукописей РАН.

Адрес: 191181, Российская Федерация, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., д. 18.

Эл. адрес: oranskaiat@inbox.ru

<https://orcid.org/0000-0001-7207-9190>

Tatiana I. Oranskaia – Candidate in Philology, Associate Professor, senior researcher, Institute of Oriental manuscripts, RAS, Saint Petersburg, Russian Federation.

Address: Dvortsovaya Emb., h. 18, Saint Petersburg, Russian Federation, 191181.

E-mail: oranskaiat@inbox.ru

<https://orcid.org/0000-0001-7207-9190>

Для цитирования: *Оранская Т.И.* Влияние таджикского языка на формирование системы местоименных клитик в языке Парья в Таджикистане // Социоллингвистика. 2025. № 2 (22). С. 136–157. DOI: 10.37892/2713-2951-2-22-136-157

For citation: *Oranskaia T. I.* Influence of the Tajik language on the formation of the system of pronominal clitics in the Paryá language in Tajikistan // Sociolingvistika. 2025. No. 2 (22). pp. 136–157. (In Russian). DOI: 10.37892/2713-2951-2-22-136-157

Заявление о конфликте интересов | Conflict of interest statement

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

The article was submitted 14.11.2024;
approved after reviewing 13.03.2025;
accepted for publication 07.06.2025.